

ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

Инна Швед

Брест

Из наблюдений над образом дурака
в паремиологическом фонде белорусской традиции

Дурак (шире – безумец) – популярный герой устной поэзии белорусов и других народов. Интересующий нас ракурс – образ дурака, представленный в паремиологическом фонде и некоторых других жанрах и видах белорусской традиции. Как свидетельствуют данные белорусского фольклора (в его широком понимании, включая язык), ограниченная ментальная способность человека может трактоваться и как дурость, глупость (ограниченность ума), и как сумасшествие (отсутствие ума, контроля над разумом, действиями, ментальная болезнь = безумие, бел.: «вар’яцтва», «шалёнасць», «безразважнасць», «утрапёнасць»). Значения дурости как ‘умственной ограниченности’, ‘отсутствия способности здраво рассуждать’, и более широко – ‘отклонения от нормы’ (от чудаковатости до клинической болезни – «*глумак глумаком*») оказываются актуальными и для сознания современного носителя белорусского языка. Ср. данные одного из современных словарей: «Дурны, -ая, -ое. 1. З абмежаванымі разумовымі здольнасцямі; бесталковы. *За дурной галавой нагам неспакой* (з нар.). 2. Які не выяўляе розуму, пазбаўлены разумнай разважлівасці. *Задаць дурное пытанне. Дурны артыкул. Дурныя наводзіны*. 3. Дурны, -ога, мн. – -ыя, -ых. м. Тое, што і дурань. *Дурному закон не пісан* (з нар.). *Дурны як бот; дурны як пень* (разм. груб.) – пра разумова адсталлага чалавека. *Ня-ма дурных!* – выказванне нязгоды з кім-небудзь, адмаўленне выконваць што-небудзь»¹

¹ Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко, Мінск 1999, с. 187.

Очень широкое лексико-семантическое поле безумия является еще одним подтверждением универсального закона повышенного внимания к отрицательно маркированным полям. Как синонимы функционируют различные лексемы, обозначающие интеллектуально неполноценного индивида, признаки его нестандартного поведения и/или качеств (о дурном человеке – *асталоп, бабак, балван (атмулёваны), балбешка, балдавешка, байбас, біндос, боўдзіла, глумак, маздан, прытырак, абізгал, асталоп, бязумнік, бабак, бязмуддзе, глумак, дурбан, дурвяга, дуркеша, дурыла, дурэц, ёлун, пунтовік, разыда, пянцох*; о сумасшедшем – *скажэны, шалёны, навядзоны, асцёрвянелы, шувейнік*²; др.; о плохо соображающем, потерявшем самообладание – *агалдзелы, ачмурэлы, ачумачаны, затлумлены, агламаздачаны, атрублены*; др.). Например: «*Усё дно, як на етыга мальчика абылджаненя найшло: а, а, – нічога ні разьбяреца*»; «*Трахім ходзіць якей-то абылджанелый, нічога зь ім ні дыгаворіся*»; «*Як найдзіць асцёрввянення, тады ні знаіць і ня помніць, што тваріць*»; «*Каждый дзень адно і тоя, тлум і тлум, хваціла зь мяне ачумачыванья*»; «*Выйшла аттуля во с такою ачумачыньню гылавою, ні прыдумую, куды кінуцца*»³.

Оценивая поведение человека, который нарушил некие социальные стереотипы, поступил «неразумна, неразважліва», неадекватно отреагировал на что-либо, говорят, что он «дурны», «здурнеў». Отступления от нормы, непосредственно присущие лицу, предмету или явлению, обозначаются словами и устойчивыми словосочетаниями типа «дурацкі», «дурны», «здурэць», «дуракавінка (шал) у галаве»; др. Неадекватное поведение (и/или проявление соответствующих качеств) может быть только ситуативным, что передается лексемами «дурыцца», «дурэць» («вести себя несерьезно, шалить»), «дурыць», «адурываць» («обманывать», «сбивать с толку», «делать глупости», «опьянять», «одурманивать»), «прыдурвацца» («притворяться непонимающим, непричастным к чему-либо»), «дурняк» («притворство»), «дурыкі» («шалости», «своевольство»), «дурняком» («просто, даром, хитря») и т. д. Притворяющемуся дураком индивиду такая роль ситуативно выгодна, поэтому он «*дурня строіць, паказвае, клеіць*»⁴, «удае». Безумцу же от природы не приходится прикидываться («*Што ты ўдаеш дурня, калі*

² *Выслоўі*, склад. М. Я. Грынблат, Мінск 1979, с. 473, 480, 251–252, 243–245.

³ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны: Слоўн. А-Н*, Мінск 1993, с. 5, 50, 58.

⁴ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, Мінск 1991, с. 53.

і так дурны»). Дурость можно изобразить, но скрыть ее невозможно: *«Відзіш карову спераду, каня ззаду, а дурня з усіх бакоў»*⁵.

Симптоматично, что одной лексемой обозначаются люди, имеющие с точки зрения современного сознания различные характеристики. Так, *«талалуй»* – дурноватый, а также болтливый человек, *«цямцюр»* – дурак и неповоротливый, медлительный человек, *«халайдра»* – дурноватая, неопрятная женщина⁶. Это свидетельствует о тесном сближении в традиционном сознании названных и некоторых других характеристик (в первую очередь, на основе отклонения объекта номинации от принятого стандарта). Следует отметить, что наиболее часто одной лексемой обозначаются дурость и сумасшествие. В этом отношении яркий пример представляют лексемы типа *«ашаляванне»* ‘дурнота, бешенство’ (*«Хлопцы трыхануць загрудкі, айдзе яго ашыліваньня дзеніца, рузмудреў дужа»*); *«ашаляваць»* ‘дурнеть, беситься’: *«Яму прыказываюць у рот ні браць, а ён п’ець ды п’ець, ашыліваіць»*. *«Каб хто ў руках дзіржаў, меншы б яму так ашыліваліся»*⁷. (Укажем здесь на тесное переплетение в традиционном сознании интеллектуальной сферы с эмоциональной и этической, на неразличие во многих фольклорных контекстах человека интеллектуального, чувственного и духовного).

В паремиях и иных фольклорных текстах обезумевшие временно и сумасшедшие постоянно, невежи, дураки, шуты, даже когда обозначаются разными лексемами, выстраиваются в один семантический ряд, ср.: *«Кеп, дурань, блазен, тры штукі разам»* (с пометкой: «гэта ўсё сінонімы»)⁸. Об одном и том же – десоциализированном – человеке говорят: *«калека, о, няўмека, о, дурны!»*, а безумец часто характеризуется посредством указания на определенные физические аномалии. Ср. широко известную мотивационную модель *«калека → интеллектуально и морально несовершенный индивид»*, совр. паремию *«Нет ума, считай, калека»* и проклятия, ставящие в один ряд интеллектуальные, психо-эмоциональные, физиолого-анатомические дефекты, – *«Акрывей, ахрамей, ашалай, адзервяней, абязручай, агалдзей!..»*⁹. Ограниченность слухового и зрительного восприятия непосредственно связывается с умственной ограниченностью, а потому слепые и глухие

⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, склад. М. Я. Грынблата. У 2 кн., кн. 2. Мінск 1976, с. 251, 239.

⁶ *Выслоўі*, с. 479, 478.

⁷ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 58–59.

⁸ *Выслоўі*, с. 64.

⁹ Там же, с. 261, 202.

логично продолжают перечень десоциализированных (= иных, чужих) людей («Сляпы, глухі, дурны – усё роўна»; «як сляпы» – ‘об умственно отсталом или не контролирующем свои действия человеке’; «Што глухі, што дурны»¹⁰); к ним примыкают пьяные – «П’яны як дурны»¹¹. Дурных, пьяных и даже лысых (в этическом значении) объединяет нарушение общепринятых правил поведения, и эти аномативные признаки (с ярко выраженной культурной прагматикой) соответствующим образом маркируют индивида, как в обрядовой песне, зафиксированной еще П. Бессоновым: «А на Яна баба п’яна, // На Барыса баба лыса, // А на Юр’я баба дурна». Согласно ряду контекстов, безумец (дурак, необразованный, сумасшедший) и есть слепой, см.: «За аднаго вучонага сем слепакоў даюць, і то не бяруць»¹². В этом плане характерно использование одного и того же выражения для номинации болезни глаз и потери самоконтроля, безумия: «чорная вода» ‘болезнь глаз, приводящая к слепоте’ и «чорная вада на вочы находзіць» ‘о потере самообладания’¹³. Еще Ф. Скорина в один ряд ставил напускание Богом на людей помешательства, слепоты и сумасшествия: «Допустит на вас бог премеменение смыслов и слепоту и безумие»¹⁴. Названные диагностические признаки вводят их носителей в один класс с другими составляющими, маркированными печатью чужести, иномирности. Отметим также, что дурное трактуется как чужое, отнесенное к не-человеческому, во многих других контекстах, см.: «Пакінуў жывое, пашоў умерлага шукаць»¹⁵; «бязлюддзе» ‘несообразительный, неловкий, нелюдимый человек’ и непосредственно – «Чужое як дурное». У дурака (который «сам не свой»¹⁶) не просто «мазгаўня дурная», а не-человеческая голова (ум): «авечы розум», «авечая галава»¹⁷; «малінавая галава», «капусцяная галава» – ‘дурной’¹⁸.

¹⁰ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 241.

¹¹ *Выслоўі*, с. 374.

¹² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 18.

¹³ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, Мінск 2009, с. 153.

¹⁴ *Слоўнік мовы Скарыны*, склад. У. В. Анічэнка, у 2 т., т. 1. А-О, Мінск 1977, с. 219.

¹⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 246.

¹⁶ *Выслоўі*, с. 471, 419, 102.

¹⁷ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 75.

¹⁸ *Выслоўі*, с. 255.

Возрастной и гендерный критерии оценки соответствия интеллекта норме

Интеллектуальная норма, согласно паремиям, непосредственно связана с возрастом человека: «*Якія гады, такі розум*». Возраст, по достижении которого человек должен «набраться ума», довольно точно определен: «*Калі да дваццаці лет не набраў розуму, так і згіне*». Естественно, что несоответствие интеллектуальной норме, вписанной в определенные возрастные рамки, получает ярко выраженную негативную оценку, ср.: «*Страпянуўся манах, ды пуста ў галавах*»¹⁹. Детям и молодежи прощается «дурносць», более того – она им характерна: «*Маладосць – усё дурносць*»; «*Малады розум – палявы вецер: бяжыць і гудзіць*»²⁰; «*Дурэюць як малыя*»; «*Дай, божа, старым вочы, а маладым розум*»²¹. О человеке же повзрослевшем и тем более постаревшем, но не накопившем опыта, не поумневшем (как это ожидается), презрительно либо уничижительно говорят: «*Ужо сівы, а ў галаве пуста*»; «*Стары, а дурны*»²²; «*Гэты стары дурбан!*»²³. Что касается «клинического» безумца, то над ним время не властно, «*Калі пень, то і будзе пень*»²⁴, «*Дурак дураком ва веці вяком*»²⁵ – здесь выражена предельная неизменяемая качественная характеристика дурака. Однако существенно следующее. Если даже человек в свое время набрался ума-разума, отнюдь не исключено (а, скорее, закономерно), что в старческом возрасте он утратит способность здраво мыслить, самостоятельно рассуждать. Согласно народным представлениям, в старости вместе с «высыханием» тела «высыхают» мозги, человек «выживает из ума», «*страчвае розум*». Констатируется обратное накоплению опыта, ума, явление – старик может впасть в детство, «*здзяцінець*»²⁶. Умственная ограниченность, таким образом, приписывается и началу, и концу человеческой жизни.

При оценке соответствия интеллекта норме учитывается не только возрастной, но и гендерный критерий. Употребление номинации «ду-

¹⁹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 231, 241, 244.

²⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 25.

²¹ *Выслоўі*, с. 317, 183.

²² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 23.

²³ *Выслоўі*, с. 251.

²⁴ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 14.

²⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 239.

²⁶ Там же, с. 56.

ра» нередко указывает на несоответствие поведения женщины «мужскому» стереотипу. Судя по паремиям типа «*Бабін дурань*», «*Мамін дурань!*», «*Чаго ты выцягаешся як баба дурная?*»²⁷, «*Дура не дура, а такава яе натура*»²⁸, эталоном интеллектуальной деятельности выступает мышление мужчины.

Внешние признаки дурака

Многочисленные пословицы актуализируют стереотипные представления о соотношении внешности и интеллектуальных потенций человека. Это касается в первую очередь представлений о слабом уме внешне красивых, богато одетых людей: «*Лічка бяленька, да розуму маленька*»; «*Сам харош, а розуму ні на грош*»²⁹; «*Прыгожы на грэх, а дурны на смех*», «*Зверху шоўкавыя хусткі, а ў галаве пусткі*», «*Адзеўся, як пан, а дурны, як баран*»³⁰ (см. также выше об отождествлении дурости и неряшливости). Однако «*дурную галаву шапкаю не закрывеш*», и смотреть надо не на то, «*што на галаве*», а «*што ў галаве*»³¹.

Идея интеллектуальной неполноценности человека часто выражается посредством **физиолого-соматического кода** (актуализирует образы, связанные с физиолого-анатомическими дефектами) и коррелирующего с ним **речевого кода** (образы носителей дефектов речи) – у дурака «*ані мовы, ані гловы*»³². Безумный человек (его голова) не ведает (не помнит), что говорит («*Ці помніць твая галава, што ты лапочаш?*»³³), речь его дурацкая («*Якей розум, такея й словы*»³⁴, «*Дурное аб дурным і гаворыць*»³⁵, «*У дурнога пеўня дурная песня*»³⁶). Ср.: «*Ходзіць дурлёнычка пы дзяреўні, трылюдзіць што папала*»³⁷.

²⁷ *Выслоўі*, с. 244, 258, 317.

²⁸ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 250.

²⁹ Там же, с. 244.

³⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 40.

³¹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 237.

³² Там же, с. 244.

³³ *Выслоўі*, с. 125.

³⁴ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 136.

³⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 249.

³⁶ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 43.

³⁷ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 137.

Ожиданным или неожиданным образом в сферу физиолого-соматических маркеров человека с нарушениями в интеллектуальной деятельности, согласно паремиям, включаются физическая развитость, высокий рост, большие голова, лоб (между тем, другие жанры могут актуализировать признаки со значением ущербности, недостаточности). Можно предположить, что это, среди прочего, отсылает к мифологическим представлениям о корпоральной аномалии (в том числе с акцентом на избыточности, чрезмерности) «чужих» (в самой широкой трактовке этого понятия). См.: «*Вырас пад неба, а дурань як трэба*»; «*Байбусам вырас, ды розуму не вынес*»; «*Вялік пень, ды дурань*»; «*Вялікі пятак, ды дурак*»; «*Вырас, як лес, а дурны, як бес*»; «*Вялікая галава, да пустая*»³⁸; «*Да званіцы падняўся, а без розуму застаўся*»; «*Рост чалавечы, а розум авечы*»³⁹; «*Хоць ростам вялікі, але розуму мала*»⁴⁰; «дуда» ‘высокий, неказистый, умственно ограниченный человек’⁴¹). Не только высокий рост, но и борода, усы, волосы (длинные, густые, седые) часто упоминаются в паремиях как показатели возрастной зрелости человека, не достигшего интеллектуальной нормы: «*Барада па пояс, а розуму ні на волас*»; «*Валасы доўгія, ды розум кароткі*»; «*Галава пасівела, а розуму не набрала*»⁴².

Поскольку именно голова воспринимается как вместилище ума, дурость и ум человека связываются у белорусов, как и у многих других народов, с представлениями о ее «качестве», и этот компонент логично выступает основой метонимического переноса в многочисленных паремиях. Большая голова (лоб, череп) – вместилище ума, центр интеллекта, разума, казалось бы, должна свидетельствовать о незаурядных умственных способностях человека (ср.: «*У кабылы бальшая галава, няхай яна сабе думаець*»⁴³). Однако в паремиях посредством актуализации признака «большой» относительно головы (или признака «широкий» относительно лба – метонимическое сужение) подчеркивается несоответствие размера головы (лба) интеллектуальным способностям человека: «*У яго лоб вялікі, ды мазгоў мала*»⁴⁴; «*Галава з лубку, а розуму з бубку*»; «*Галава бы кацёл, а розуму няма*»; «*Вялікая галава,*

³⁸ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 242, 243.

³⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 9–10.

⁴⁰ *Выслоўі*, с. 121.

⁴¹ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 137.

⁴² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 23.

⁴³ *Выслоўі*, с. 114.

⁴⁴ Там же, с. 115.

ды малы розум»; «Галава вялікая, ды пустая»; «Лоб што лапата ды розуму небагата»⁴⁵; см. груб.: «Дурніца эта лабатая!»⁴⁶. В связи с приведенными примерами становится ясно, что дурака отличает большая, но тупая⁴⁷, пустая голова (о трактовке дурака как калеки мы упоминали выше).

«Обувная» метафора

При оценке умственной неполноценности индивида имплицитно может быть представлена оппозиция «верх/низ» («голова/ноги») – ср.: «Галава ў ног розуму не просіць»⁴⁸; «Галава нагам зладзей»⁴⁹. Отсюда становится понятным, почему обувь, которая наиболее «удалена» от головы и является своеобразным ее антиподом⁵⁰, широко вовлечена в сферу переносных обозначений интеллекта. «В семантической структуре слов, обозначающих виды обуви, потенциально присутствует сема низа, контакта с землей, которая может дать негативные коннотации... “Обувная” метафора имеет еще и сильную социальную привязку, поскольку большая часть представленных наименований дурака содержит отсылку именно к крестьянской обуви, а с образом деревенского жителя в языке “низовой культуры” связаны коннотации “темноты”, необразованности, неграмотности, невежества»⁵¹.

При выражении крайней степени дурости на оппозицию «верх/низ» могут накладываться оппозиции «правый/левый», «целое/часть», «свое/чужое (в том числе, социально, этнически)» с соответствующей негативной коннотацией вторых членов: «Бот ты з левае нагі!»; «Дурны як халява»; «Разумны як рабінавы штаны»⁵².

⁴⁵ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 23.

⁴⁶ *Выслоўі*, с. 251.

⁴⁷ Там же, с. 269.

⁴⁸ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 236.

⁴⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 8.

⁵⁰ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, (в:) *Язык и традиционная культура*, Москва 2007, с. 141.

⁵¹ Там же, с. 141.

⁵² *Выслоўі*, с. 245, 316, 376.

«Мусорная» метафора

Модель «глупый человек ← обувь» обнаруживает взаимодействие с моделью «дурак ← хлам, мусор»⁵³. Ярким примером сказанному могут быть паремии *«Дурны як стаптаны бот»*⁵⁴, *«Дурны як бот парваны»*⁵⁵. «“Мусорная” модель подключается к “обувной” не только в целях усиления экспрессии; притяжение метафор обусловлено и общим прагматизмом традиционной картины мира, для которой плохое может концептуализироваться как негодное в хозяйстве»⁵⁶, ср.: *«мякіна ў галаве»*; *«амецямі галава напхана»*⁵⁷; *«Не, дундучыну і ня думый пірвавучывыць, у яго гылыва мяльлім набіта»*. *«Заваль»* – это никчемные люди (*«Сыбярэца завыль і пычалі пірліваць с пустога ў парожнія, апсуждаць кажныга»*)⁵⁸.

Метео-астрономическая метафора

Для номинаций человека с интеллектуальными и психо-эмоциональными отклонениями возможна реконструкция семы затемнения (в частности, сознания, памяти). Обозначения психо-эмоциональных отклонений, по Т. Володиной, восходят к праславянскому *погкъ-* – *«памаракі павялі»* ‘о состоянии головокружения’, *«памаракі высыхуюць»* ‘о частичной утрате памяти’, *«паморакі галаву водзяць, морочэнье»* ‘обморачивание’, *«поморак яго ведае»*, *«Каб на цябе сумарок найшоў, обморочило, марока»* ‘затемнение ума’⁵⁹. В. Топоров показал, что первоначальной семантикой исходного для названных обозначений индо-европейского **meǵ-* выступает именно ‘опустошение, исчезновение’ как физических элементов (типа уменьшение света и в результате сокращение зрительного восприятия), так и духовных составляющих⁶⁰. С ночным небесным светилом – луной – связываются в народ-

⁵³ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 142.

⁵⁴ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 62.

⁵⁵ *Выслоўі*, с. 316.

⁵⁶ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 142.

⁵⁷ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 75.

⁵⁸ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 136, 146.

⁵⁹ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 282–283.

⁶⁰ Цит. по: Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 283.

ных представлениях потеря сознания, обморочивание человека, соответственно «*алунець*» ‘сделаться дурным’, «*прылунелы, прылунеўшы, облунелы, луняваты, лунькаваты*» ‘психически больной’⁶¹. Для выражения значения ‘психически неустойчивый’ в Полесье используется лексема «*пламета*»: «*Найшла на його пламета*», в туровских говорах «*пламэтытысь*» ‘хандрить’, «*апламідзец*» ‘сделаться дурным’. По справедливому замечанию Т. Володиной, «эти слова возникли на основе представлений о связи состояния психики с движением планет. Развитие семантики, видимо, происходило следующим образом: движение планеты – психическая неустойчивость – хандра, болезнь»⁶². Образ луны (в связи с образом собаки) привлекают и проклятия потерей ума, рассудка, например: «*Каб ты, дай божачка, на месяц брахаў*»⁶³.

Зоологическая метафора

В традиции белорусов, как и иных народов, довольно обширны синонимические ряды, реализующие оценочный концепт «дурак» посредством устойчивых сравнений типа «дурны, як...», где образное экспрессивное наименование отсылает к стереотипным представлениям о дурном (глупом) человеке и примитивных животных. Такой человек в белорусских поговорках сравнивается с ослом, овечкой, бараном, коровой, свиньей, курицей, тетеревом, вороной либо обозначается соответствующими лексемами. См.: «*Дурны як авечка*»; «*Дурны як баран*»; «*Авечка ты дурная!*»; «*Баран ты чаплавух!*»; «*Беспамятная авечка!*»; «*Дурны (глуп) як варона*»; «*Варона загумённая*»; «*Разумная як лейзерава карова*»; «*Бляе як дурны баран*»; «*Глядзіць як [дурны] баран [на ваду]*»; «*Разумны як баран на бібліі (градусніку)*»; «*Дурная (дурное) як цяля (як цялё)*»; «*Так веле мае розуму як курыца*»; «*Дурны як свіння*»; «*Дурны як цецярук*»; «*Ён такей асюга, асталопіна, пняцях!*»⁶⁴. «*Асёл, асліна, асюга, аслішча*» – ‘тупой, упрямый человек’. «*Як ён, такей асьліна, урадзіўся, зь ім жа зы нядзелю серца парывеш*». «*Асьюга ты, асьюга, хто йта ўжывець с табою*»⁶⁵. Особ-

⁶¹ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 285.

⁶² Там же, с. 284–285.

⁶³ *Выслоўі*, с. 216.

⁶⁴ Там же, с. 316, 242, 245, 316, 247, 279, 288, 305, 376, 305, 396, 252.

⁶⁵ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 48.

няком стоит фразеологизм «асёл маляваны», который, согласно изысканиям этимологов, вышел из среды бродячих цирков, когда такого «участника» спектакля, как осел, «размалёвывали», но это не меняло характера, упрямства «циркача», осел оставался ослом. При возникновении этого выражения произошла одновременная каламбурная реализация двух словарных значений существительного «осёл»: ‘животное’ и ‘тупой, неумный человек’⁶⁶. См. также ниже о животных, находящихся в голове дурака, поедающих ум человека, о собаках, за которыми гоняется безумец; др.

Растительная метафора

Мощным источником метафоризации служат также наименования деревьев (как вида растений и части ландшафта), частей дерева и изделий из него; ср. простореч. «дуб», «дубіна», «цурка», «дубовая галава», «дурное палена», «дубас» ‘тупой человек’, «дурны як пень»⁶⁷. О «дурацкой» выходке человека говорят, что он «з дуба зваліўся (ляснуўся)», т. е. повел себя не как нормальный член человеческого коллектива (в связи с восприятием безумца как принадлежащего двум мирам интересно, что нечистая сила типа русалок, согласно белорусским верованиям и обрядовым песням, падает с дерева (дуба), перемещаясь с этого мира в иной). Реже в рассматриваемом контексте упоминаются кусты: «малінавая галава» ‘бестолочь’⁶⁸, «З дурнога куста і ягада пуста»⁶⁹.

Дендрологический код используется также для описания человека в состоянии бешенства, сильной злости («стаць дуба», «грымасіць як дуба дае», «з сагана кіпіць як дуба дае»), что, возможно, мотивировано стереотипной связью дерева (дуба) с концептами силы и крайней границы, пограничного состояния. Для этих коннотаций характерна максимальная степень проявленности чувства и действия, что коррелирует с крайним полюсом возможности человеческого существования. В связи со сказанным характерна трансформация значений фразеологизмов с образом дуба – «дуба дае» имеет ситуативное поле примене-

⁶⁶ И. Я. Лепешаў, *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*, Мінск 2004, с. 40–41.

⁶⁷ *Высловаў*, с. 252, 481, 316.

⁶⁸ Там же, с. 258.

⁶⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 43.

ния – ‘умирает’⁷⁰; *дубеем* называют лентяя (= лишенного активности, функциональности); непослушного (= не реагирующего адекватно) ко- ня проклинаят: «*Што б ты здох, дубына, да і облупыўса!*» [запись автора; Дубай Столинского р-на].

Что касается ландшафтной метафоры, коррелирующей с дендрологическим кодом, то она обычно функционирует с «наращиванием» определенных признаков, в частности ‘тёмный, чужой, дальний, неизвестный’ («цёмны лес», «лазавік» – ‘о тёмном, глупом, тупом, отсталом человеке’⁷¹). Об угрюмом человеке, у которого с трудом пробудили желание вступить в разговор, говорят: «*Вывеў мрука з лесу*»⁷², где лес ассоциируется с чужим, иным миром. Попутно отметим, что лес с кривыми деревьями соответствует социуму с несовершенными людьми. О таком человеческом коллективе говорится: «*Якога найбыльш дэрэва ў лісы? // – Крывого*». И уточняется: «*Як і ліс, так і людзі*» [запись автора; Бородичи Каменецкого р-на].

Для номинации умственных отклонений индивида могут использоваться лексемы, обозначающие остатки деревьев и других растений типа соломы, мякины, символически воплощающие идеи нефункционального, пустого, неживого (сухого): *голова соломою набыта, мех з саломой*⁷³. Голова у дурака «*дубовая, альховая, яловая*», а в голове – «*апілкі, абрубкі, труха*». Причем в таких контекстах слабоумие интерпретируется не только как «изготовленность» дурака из растений, но и как недостача, неполнота, недоделанность. Ср.: «*Човек неучен, дэрво недодзялано*»; «*Челяк без книга, п’н недодзялан*»⁷⁴. Негативно осмысленный, обращенный к сфере исчерпанности признак недостачи (в граничном выражении – пустоты, смерти) подключается и к древесной метафоре типа «*дуплявацiстый*» ‘о недалеком, неумном человеке’⁷⁵. Ср. также: «*Пустадомак (пустадомец) еты*», «*Пусцельга, пусцiльга, пустальга, пусцеча*» – ‘пустой, несерьезный человек’⁷⁶, «*пустыня*» ‘капризный ребенок’, «*пусты*» ‘непослушный’, «*пустоваць*» ‘дуреть’⁷⁷.

⁷⁰ И. Швед, *Космас і чалавек у дэндралагічным кодзе беларускага фальклору*, Брэст 2006, с. 100–101.

⁷¹ *Выслоўі*, с. 475.

⁷² А. Аксамітаў, *Прыказкі і прымаўкі: тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедр, збораў, рэд. выд. XIX і XX стст.*, Мінск 2000, с. 199.

⁷³ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 285.

⁷⁴ *Балканска народна мъдрост*, сост. Н. И. Икономов, София 1968, с. 272.

⁷⁵ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 136.

⁷⁶ *Выслоўі*, с. 264, 477.

⁷⁷ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 289.

Модель «глупый человек ← емкость, орудие труда»

Наделенный в традиционной культуре высоким семиотическим статусом признак пустоты имплицитно присутствует и в модели «человек ← деревянная емкость». Наименования деревянных полых емкостей и подобных предметов типа бутылки, хамута довольно часто втягиваются в рассматриваемое поле метафоризации («Дурны як бутэлька ад газы»; «Кадаўбень ты»; «Мажджэр» (мажджэра – ступка) ‘дурной’; «Даўбёнка ты асінавая!»; «Цяпуюх, Маслёнка» ‘рассеянный, невнимательный человек’; «Галава [пустая] як сявенька»; «Галава [стала] як рэшата»; «дурны як хамут». Идея интеллектуальной неполноценности человека репрезентируется также посредством образов деревянных орудий труда типа обуха: «Дурны як абух»; «Абух ты тупы!»⁷⁸; «Абух абухом»; «Тупы як абух»⁷⁹.

Более поздним вариантом модели «глупый человек ← дубина», как справедливо отмечает Е. Березович⁸⁰, является модель «глупый человек ← всякое орудие труда, с помощью которого производятся повторяющиеся действия». См. о дурном человеке: «Дурны як даўбешка»; «Даўбешка ты дурная!»; «Доўбня эта дурная!»; «Галава дурная як чакуха (доўбня)»; «Дурны як кавальскія гарны»; «Дурны як абізмен»; «Бязмен ты дурны!»; «Дуда ты дурная»; «Дуда ты Мамонава»; «Малатарня пустая!»; «Боўт дурны»⁸¹; «Тупы як боўтка»⁸². «Использование дерева в качестве строительного материала дает взаимодействие древесной метафоры со строительной (операциональной)... Появляется мотив обработки дерева (обтесывания, обстругивания и т. п.), который теснейшим образом связан с представлениями о культуре и образованности человека»⁸³.

⁷⁸ *Выслоўі*, с. 316, 255, 475, 235, 480, 302, 242.

⁷⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 59.

⁸⁰ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 145.

⁸¹ *Выслоўі*, с. 316, 251, 301, 316, 246, 251, 258, 246.

⁸² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 59.

⁸³ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 145.

Акциональный код

Предположительно, использование акционального кода для моделирования идеи интеллектуальной неполноценности индивида имеет глубокие архетипические основания. Возведение мотивов обработки дерева, выпекания из теста, ткачества (шире – творения, делания-доделывания) к древнему мотиву сотворения человека из определенного материала (дерева, теста, глины, нити; др.) дает основание говорить о генетической взаимосвязи этих мотивов и соответствующей логичности их взаимозамены при реализации модели «безумный человек ← необработанный материал, незавершенный, недоделанный предмет». См.: «недапека, недапёка» ‘хилая, умственно ограниченная особа’ («Якога ты хочыш толку ат нїдапекі»)⁸⁴; «недатычка» ‘неумная’; руск. «суровая куделя» ‘непослушный ребенок’⁸⁵. «Недоделок», как и «недоносок», «скідыш», – ‘дурноватый человек’⁸⁶; тот, кто только «вылупіўся на свет» («вылупля»), «цялё нялізанае»⁸⁷, – ‘дурак, тупица, никчемный человек’. («Каму яны толькі ні нывіваліся сваёю вылуплёю, каму ні сватылі, – нашто іна каму»⁸⁸). Индивид, процесс творения-доделывания-дозревания которого был незавершен либо повернут вспять (ср.: «раскудземіцца» ‘закапризничать’⁸⁹) изначально (с момента творения и/или появления на свет) не дотягивает до социальной полноценности, нормативности и обречен на существование с умственными отклонениями. Однако если человека «доделать», «исправить», дураку «атосы падцягнуць» (‘выбить из него дурость’)⁹⁰, он может поумнеть.

Недостача в голове (а значит безумие) может быть не только изначальной, врожденной (такому человеку «бог розуму не даў»), но и возникшей со временем – «Трапіцца і найразумнейшаму здурнець»⁹¹. Посредством акционального кода указываются причины возникновения этой недостачи («Розум увесь (усе розумы) пaeў»), может также называться субъект, виновный в ней («Розум свінні з’елі»)⁹². Часто мысли

⁸⁴ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 295.

⁸⁵ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 290.

⁸⁶ *Выслоўі*, с. 478.

⁸⁷ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 62.

⁸⁸ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 81.

⁸⁹ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 290.

⁹⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 58.

⁹¹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 251, 237.

⁹² *Выслоўі*, с. 101.

(ум) покидают голову индивида самостоятельно, выскакивают (вылетают, выпадают, выходят) из нее – «*З галавы выйсці (выпасці)*» ‘потерять мысль’. Соответственно, понимание может связываться с взятием чего-либо в голову («*На цям узяць*», «*Да галавы (да ладу) узяць*», «*У галаву ўзяць*» – ‘взять в толк’⁹³), см. также: «*Дурак думкамі багачее*». Однако «*дурному і лапатаю розуму ў голаў не накласці*»⁹⁴.

«Нормальные» мозги могут «испортиться», соответственно человек – обезуметь. В связи со сказанным показательны проклятия: «*Каб табе мазгі аблезлі, каб табе!*»; «*Каб табе мазгі адсохлі!*»; «*Мазгі табе высатні!*»; «*Спухля табе ў галаву!*»⁹⁵. Вместе с тем мозги могут пухнуть, голова облазить и от большого ума, учености, стараний, задумчивости, которые далеко не всегда поощряются: «*Шмат будзеш ведаць, галава аблезе*»⁹⁶; «*Індык думаў, дык галава аблезла*», ср. также негативное восприятие задумчивости: «*Задумаўся як сабака ў чаўне*»⁹⁷. Выводится общая закономерность: «*Усе вумныя – лысыя*» (правда, «*не ўсе лысыя – вумныя*»). (Здесь интересен мотив недостатка, связанный не с дуростью, а с умом). У дурака «*галава не лысеець, не сівеець*», «*у каго на галаве густа, то ў галаве пуста*»⁹⁸. Возможно также вычленение оппозиции «дурные волосы / умная голова» – «Дурныя валасы пакідаюць разумную галаву».

Безумие коррелирует не только с утратой мозгов, но и опоры, со смещением, шатанием, кривизной, наклоном, сдвигом, изменением траектории, поворотом, неправильным движением⁹⁹, верчением, кручением (что, по народным представлениям, характерно для нечистой силы), волочением-блужданием (ср. о затемнении сознания – «блуд» ‘затемнение, туман в голове’), неустойчивостью, мельтишением (ср. «*страката ў галаве*»). Сойти с ума, одуреть – «*з глузду (з глуздоў) з’ехаць (злузнуцца, выйсці)*»; «*з розуму спасціся (выбіцца)*»; «*ускруціцца*»¹⁰⁰. Идеи кручения, верчения стали мотивирующими при передаче значений ‘взбрело в голову’ – «*у каўтуне закруціла*»; «*у галаве закруціла*»,

⁹³ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 58, 8.

⁹⁴ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 252, 249.

⁹⁵ *Выслоўі*, с. 212, 230, 235.

⁹⁶ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 25.

⁹⁷ *Выслоўі*, с. 60, 323.

⁹⁸ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 238, 244, 243.

⁹⁹ См.: Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 146–147.

¹⁰⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 97.

«каўтун завіў»¹⁰¹, ‘сумасшедший’ «кручаны» (самозапись), ‘дурачина’ «выверцень», ‘закапризничать’ «завіроваты»¹⁰². Дезориентированный и в хронотопе, и в социуме безумец не знает дороги, кружит по ней, сбивается с пути (принятого коллективом как должного) либо у него свой путь, который умным кажется бессмысленным (но в сказке именно этот путь оказывается удачно выбранным, счастливым, спасительным для дурака, predisposed к метафорическим метаморфозам «из грязи в князи»). Безумец срывается с места и путешествует без дороги (идет в неизвестном направлении, наобум, волочится, бежит) – «Валочыцца па свету, бы непрытомны»; «Еткага сарвілы і свет не свяціў»; «Каб ты, бог даў, здурэў ды ў поле пабег!»¹⁰³; «Вольнаму воля, шалёнаму поле»¹⁰⁴; «Ці поп, ці куця, ці дурань без пуця»¹⁰⁵. А это для оседлого народа является антинормой. Логично, что о безумце ведают не остальные члены человеческого коллектива, а стихии, в первую очередь ветер (кстати, у безумца и ветра общий стереотипный локус – поле): «Ветры яго знаюць!», «Віхар іх знаіць» (укажем здесь на демонологический аспект вихря). Сам безумец сродни воздушной стихии, у него в голове ветер, а закапризничать – значит «завіхроваць»; ср.: «шалёны» (о ветре и человеке); «Падхвацілася як дурная бура», «Шухавей – пусты, няўстойлівы чалавек»¹⁰⁶. Таким образом, посредством акционального кода, взаимосвязанного с природно-ландшафтным, метеорологическим и другими кодами, презентруется идея антинормы, являющаяся, по Е. Березович, мотивационной доминантой поля «Интеллектуальная неполноценность человека»¹⁰⁷. (Об антиповедении безумцев см. ниже).

Мотивы, конкретизирующие идею антинормы

Идея антинормы конкретизируется «сквозными мотивами беспорядка, смещения, бездеятельности, недостатка, прерывания процес-

¹⁰¹ Там же, с. 54.

¹⁰² Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 290.

¹⁰³ *Выслоўі*, с. 39, 359, 480.

¹⁰⁴ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 10.

¹⁰⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 240.

¹⁰⁶ *Выслоўі*, с. 359, 480.

¹⁰⁷ Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева, *Человек “разумный”: языковой образ дурака*, с. 146.

са и др.»¹⁰⁸. Мотивы недостачи, беспорядка, перевернутости наиболее часто реализуются в белорусских поговорах с образом необычной головы (либо ее деструктуризированного аналога), закономерно – со знаком негатива:

1) невозможные в действительности свойство, функция, состояние, размещение головы и ее содержимого, например у слабоумного человека «*чэрап не варыць*» (у умного – «*чэрап густа варыць*»¹⁰⁹), у безумца верх (голова) и низ смещены, поменяны местами («*Усім ты харош, толькі сядзелка ў цябе там, айдзе ў людзей галава*»¹¹⁰). В голове дурака «*не ўсе дошчачкі ў парадку*», ее содержимое (ум, мысли, мозги) деструктуризировано – закручено, замутнено, перевернуто, перемешано («*каша ў галаве*») либо оно вообще не имеет вместилища: «*Мазгі без чэрапа*» – о дураке¹¹¹.

2) необычный объект, находящийся в голове, что-то лишнее, часто представленное в гастрономическом, растительном, зоологическом или соматическом кодах: «*Кішкі ў галаве*»; «*У галаве каша*»; «*У галаве гарох з капустою*»; «*На галаве густа, а ў галаве капуста*», «*Набіта сечкай галава*»¹¹². Во фразеологических оборотах белорусского языка со значением «быть с причудами, с придурью» в качестве необычных объектов, находящихся в голове человека, могут называться насекомые и животные, маркированные традиционным мышлением как хтонические (заяц, мышь): «*Мухі ў галаве*», «*Прусакі ў галаве*»¹¹³; «*Малы з зайцам у голаве*»; о пьяном или слишком загордившемся – «*Чмялі мае ў носе*». См. также проклятие: «*Каб у тваёй галаве мышы гнёзды вілі!*»¹¹⁴ Эти мифологизированные представители фауны, по верованиям белорусов и других народов, могли быть воплощением демонических существ, которые, проникая в голову человека, лишали его рассудка, делали его поведение неадекватным.

У безумца в голове могут быть непосредственно сумасшествие и дурость: «*Шаль у галаве*», «*Малы з талумінкай і дуракавінкай у голаве*»¹¹⁵. Причем эта чужеродная компонента, как отмечалось выше,

¹⁰⁸ Там же, с. 146.

¹⁰⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 94.

¹¹⁰ *Выслоўі*, с. 118.

¹¹¹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 78, 75.

¹¹² *Выслоўі*, с. 114, 243, 72.

¹¹³ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 75.

¹¹⁴ *Выслоўі*, с. 68, 128, 221.

¹¹⁵ Там же, с. 129, 68.

может неожиданно войти (взбрести, быть кем-то отправлена) в голову, что делает человека безрассудным («У галаву ўроілася (зайшло)»¹¹⁶). Соответственно, извлечение лишнего объекта из головы обезумевшего возвращает его в нормальное состояние, дурь возможно выбить, «матыліцу выгнаць (з галавы), дурыкі выгнаць (выбіць)»¹¹⁷.

3) недостающее, «испорченное» либо вовсе отсутствующее содержимое головы: «Клёку ў галаве не мае»¹¹⁸; «Мае мазгі малыя»; «Мала алею ў галаве». Часто прямо указывается, что у дурака не хватает мозгов (мыслей, ума): «Маламыслены гэты»; «Бязмозглы (бясклёпачны)»; «Абізгал ты бязмозгі!» ‘о дураке’¹¹⁹. Голову, не содержащую ума, вообще невозможно назвать таковой – «Без ума галава – кацёл»¹²⁰.

Нарушения в интеллектуальной деятельности человека описываются как недовольство в голове, семантическими аналогами которой выступают дом, предметы интерьера, быта: «Не ўсе ў бярдзе (яму)»¹²¹; «Пятае клёпкі бракуе ў галаве»¹²²; «Трэцяй бэлькі нестася»; «Без пятай дошчачкі»; «Не тое што клёпкі, але і абруча няма»¹²³. На уровне номенклатуры см. «няўвесь», «фяўраль» («зусім фяўраль») ‘дурноватый’ – «...Ну, калі ні хватая клёпкі. Усе месяцы як месяцы: па трыццаць дзён маюць і больш, а ў фяўралі ні хватая...»¹²⁴. Ср. также обыгрывание мотива недовольства в высказывании о дураке: «як сала без хлеба»¹²⁵.

4) отсутствие самой головы.

Одуревший, сумасшедший человек «ходзіць як без галавы (утрапёны)», см. также проклятие: «Каб ты без галавы хадзіла!»¹²⁶. «Ды адуренія аглымыздачыся ат аднаго віску. Ня дзень, а пуўдня ўсяго пысядзі – і аглымыздаіся, пойдзеш аттуля як біз галавы». У такого человека голова («духі») потеряна, отрублена: «Пудурысь-ка нядзелю

¹¹⁶ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 54.

¹¹⁷ Там же, с. 58.

¹¹⁸ Там же, с. 51.

¹¹⁹ *Выслоўі*, с. 68, 258, 246, 242.

¹²⁰ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 243.

¹²¹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 78.

¹²² *Выслоўі*, с. 99.

¹²³ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 64.

¹²⁴ *Выслоўі*, с. 254, 474.

¹²⁵ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 62.

¹²⁶ *Выслоўі*, с. 411–412, 215.

ў няделю, калі ён за дзень цябе атрублівыйць. Нікуды я ні пайду, у мяне гылыва атрубліна. У мяне ўжо духі атрубёмышы ат вашыга зыку»¹²⁷.

Двойное семантическое преобразование характерно современным фразеологизмам, в которых на голову человека переносятся свойства верхней части дома – крыши, чердака (*у кого-либо крыша поехала / едет, чердак съехал, крышу снесло, улетевшая крыша шлет телеграмму: «Доехала удачно. // Ваша крыша»* (самозапись)).

«Дефектная» голова, таким образом, выступает наиважнейшим диагностическим признаком безумия.

Условия и причины появления безумцев

Появление дураков на свете воспринимается как естественный, закономерный, ни от кого не зависящий процесс: *«Дурняў не сеюць, не гаруць: яны самі родзяцца»*, *«Дурняў не сеюць і не жнуць, яны самі растуць»*, *«Дурань не родзіцца, а сам знаходзіцца»¹²⁸*. С «разведением» дураков (о которых говорится с привлечением растительной метафоры) нет никаких проблем, т. к. они совсем неприхотливы, как сорняки (*«Дзе дурня ні пасей, там ён і ўзойдзе»¹²⁹*); ср.: *«непадсяваны дурань»¹³⁰*. Подобные паремии, кроме всего прочего, имплицитно содержат мысль, что дураки, своей особостью выделяющиеся из общей массы, по происхождению – скорее не чужие «люди извне», а маргиналы («внутренние чужие»), самозародившиеся и взрощенные в среде данного социума.

Выше говорилось о том, что врожденными и патологическими безумцами считаются люди «недоделанные», которым Бог изначально не дал ума, и что дурость может трактоваться (часто посредством акционального кода) как приобретенное отклонение от нормальных умственных способностей, как проявившийся признак нестандартного поведения или качества индивида. Что касается временного безумия, одурения, то оно неожиданно для человека само «наваливается», «находит» и «держится» какое-то время (*«На той час і розум адняло»¹³¹*). Это проявляется в ненормальном поведении, неадекватных реакциях

¹²⁷ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 21, 56.

¹²⁸ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 8.

¹²⁹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 250.

¹³⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 84.

¹³¹ *Выслоўі*, с. 72.

индивида – жертвы деструктивного воздействия извне, в невозможности мыслить, представлять, излагать мысли: «Адуреньня на цябенывалілыся ці што, ня можыш па-людзку атвеціць. Адуреньня, ікая твань, дакуль іна будзіць дзірэжаца»¹³². Хотя «дурню свайго розуму не ўставіш», зато его дурость может легко передаться окружающим («Былі такія дурні, што і нас здурылі»¹³³). Чужая «дурата» является средством «ачумачвання» (одурманивания) людей умных, ср.: «Як нылаю бакі етым ачумачывыньніцым, яны зырякуца дурату сытысаць»¹³⁴, ср. также: «Не чапай, бо яго дурны поп хрысціў»; «Дурны баран усё стада збянтэжыць»¹³⁵. Укажем также на большое количество фразем в значении ‘морочить голову кому-либо’: *галаву дурыць* (*тлуміць, чмуціць, чмурыць, зяліць*; др.)¹³⁶. Передававшиеся индивиду чужие дурость, сумасшествие становятся причиной хаоса, помешательства, кручения в его голове – «Ад чужога шалу ў галаве круціцца». Соответственно, дурость заразительна, связавшийся с дураком, становится таким же: «Хто з дурным задаецца, сам дурны застаецца», «З дурнем счэпішся – дурнем зробішся»¹³⁷, «З дурнем займіся, то і сам дурнем застанешся»¹³⁸.

Безумие («потеря головы») человека тесно связано с его необычайно сильной привязанностью к чему (кому)-либо. Это, например, любовь (которая трактуется традиционным сознанием как тяжкая болезнь, – «Улюбіўсё як учадзеў», «Утрэскаўся як дурны ў саладуху»¹³⁹, «Не заглядайся на чужых жонак: не скасееш, дык здурееш»), пьянство («Ад гарэлкі розум мелкі»; «П’янства розум з’ела»; «Пі – дурнейшы станеш»¹⁴⁰; «Самагонка як дурная жонка»¹⁴¹). К психическим и умственным отклонениям, временному помешательству, согласно паремиям, приводит употребление не только спиртных напитков, но и ядовитых растений. О таких людях говорят, что они

¹³² Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 36.

¹³³ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 236, 252.

¹³⁴ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 58.

¹³⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 249.

¹³⁶ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 75.

¹³⁷ Там же, с. 94, 39.

¹³⁸ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 250.

¹³⁹ *Выслоўі*, с. 405, 407.

¹⁴⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 14, 34.

¹⁴¹ *Выслоўі*, с. 381.

«блѣкату (воўчага маку) аб'еліся, дурнап'яну (дурцу, чэмеру) наеліся»¹⁴², см. также: «Трэліць (пляце) як дурнап'яну наеўшыся»¹⁴³. Среди проклятий находим – «чэмер на яго галаву», в заговорах упоминается «чэмерны цар Васіль». Сам же денотат этих выражений, по наблюдениям Т. Володиной, оказывается лишенным внешнего вида. Кроме наименования ядовитого растения и какого-то духа лексема «чэмер» используется для обозначения разного рода болезней. Мифологический персонаж «чэмер» имеет непосредственное отношение к голове человека, на которую он напускает дурноту или сильную боль¹⁴⁴. Растительный код, таким образом, находит в рассматриваемом поле значений сильную переплетенность с кодом демонологическим.

Одним из ярких представителей нечистой силы, вызывающих помешательство человека, выступает *Лядашчык* ('сойти с ума' – «З лядашчыкам спазнацца»¹⁴⁵; 'бешеный, придурковатый' – «Лядашцік пераляцеў яму»¹⁴⁶; «З лядашчыкам спазнаўся, з розуму спаўся»¹⁴⁷). В русских говорах корень *ляд-* использовался для обозначения черта. См. также: «Лядащикова вока» 'плохой глаз'; «Ледациц ее тримаець» – злой дух в виде падучей болезни¹⁴⁸. Затемнение ума может приписываться воздействию на человека чертей, которые, согласно «народной Библии», произошли от падших ангелов. Даже кратковременное попадание человека в демонический локус вызывает безумие. Согласно одному из нарративов, когда Бог скинул с неба на землю возгордившихся ангелов, «в этом месте, куда они упали, запеклась земля. И если человек простой ступит в то место, то его будет мучить нечистый – сумасшедшие поэтому» [ПА; Луково Малоритского р-на Брестской обл.]. В связи со сказанным интересны устойчивые образные выражения типа «Дурэе як на яго чэрці ўсселі»; «Ці ён ашалеў, ці злы дух на яго ўссеў?», «демоническая» метафора («Чорт шалёны», «Самашэтныя чэрці» – 'безумцы, бешеные'). Не без вмешательства демонических сил сглаженный, проклятый (см. проклятия типа «Каб ён ашалеў!») человек становится безумным – ср.: «Ці шалёны, ці навядзоны? (навядзоны = шалёны, апантаны)»¹⁴⁹.

¹⁴² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 51.

¹⁴³ *Выслоўі*, с. 402.

¹⁴⁴ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 286.

¹⁴⁵ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 97.

¹⁴⁶ *Выслоўі*, с. 67.

¹⁴⁷ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 236.

¹⁴⁸ Цит. по: Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 286.

¹⁴⁹ *Выслоўі*, с. 316, 124, 271, 478, 207, 126.

Согласно белорусским верованиям, человек перестает соображать в результате негативного воздействия домовика, который, как известно, генетически связан с мертвым рода: *«Дамавік як напусціць туман на глудзы, што гаспадыня неўпамкі тройчы пасоліць боршч»*¹⁵⁰. Примечательны в этой связи и народные представления о рождении умственно отсталых детей в результате того, что они, вопреки запретам, были зачаты на Деда (либо в пост), когда потустороннее, замогильное, беспрепятственно проникающее в человеческий мир, привносит в него «свои коррективы». (Поле безумия в данном случае пересекается с полем народной этики вообще, и греха в частности – грех воплощается в виде умственной ограниченности). Здесь уместно указать и на восприятие интеллектуально ущербных, психически и физически неразвитых детей как «падменнікаў», подброшенных демоническими существами типа русалки, а также на трактовку умственного и физического развития новорожденного как освобождение от природных (иномирных) пут. Умственные и психические отклонения ребенка могли оказаться результатом нарушения беременной запретов (в частности, смеяться над безумцами, стричь волосы, чтобы не укоротить ум ребенка), отступления от традиционной регламентации родов и хрестинного ритуала – см. *дурны цябе поп хрысціў*, совр. *цябе, відаць, маці галоўкай уніз упусціла*¹⁵¹; совр.: *скользкий подоконник, деревянные игрушки* [в детстве] (самозапись).

Очевидно, оценку «дурак» легко заслужить человеку умному – *«За худую звычку і разумнага дураком называюць»*. Так, несдержанность, повышенная эмоциональность, амбициозность, трактуемые как дурость, глупость (= несоблюдение норм официального мира, по М. Бахтину), могут проявиться при определенных обстоятельствах: *«Далі дурню чэсць, ды не ведае, дзе сесць»*, *«Дурня пахвалі, дык ён і на неба задзярэцца»*, *«Рад дурань, што пірог вялік»*, *«Рад дурань, што яго частуюць: яшчэ просе»*¹⁵².

«Дуротой» считаются также излишние доброта (*«Лішняя даброта – дулата»*), простота (*«Прастата – тая ж дулата»*¹⁵³), болтливость, отсюда совет: *«Калі дурань хоча быць у пашане, дык няхай сядзіць моўчкі»*¹⁵⁴. Такие паремии отсылают к трактовке ми-

¹⁵⁰ *Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. У 3 кн., кн. 3*, уклад. У. Васілевіча, Мінск 1999, с. 506.

¹⁵¹ Т. Валодзіна, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, с. 287.

¹⁵² *Прыказкі і прымаўкі*, с. 237, 252, 253.

¹⁵³ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 36.

¹⁵⁴ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 252.

фологизированного, сказочного персонажа дурака как человека доброго, простого, но ленивого, ни к чему неспособного, не соблюдающего определенные условности. Как «дураванне» может квалифицироваться и чрезмерное мудрствование («*Лішнія мудраванне – дураванне*»; «*Хто надта разуме, то найдурней выходзіць*»). От большого ума вообще можно обезуметь – «*Ён здурней з вялікага розуму*»¹⁵⁵. Стремление к интеллектуальной «золотой середине» принимает форму императива: «*Не будзь надта тэмны, не будзь і васцёр*». Богатство также может подтолкнуть к безумству: «*Ад грошай дурні дурэюць, ад патрэбы разумнеюць*». Логично, что «*дурному і грошы не памагаюць*»¹⁵⁶.

Итак, в принципе, если начинать с нуля, безумцем может стать любой человек.

Личностные качества, реакции, поведение дурака

Дурак (у которого «*дурное на ўме*» и которому «*дурное сніцца*»¹⁵⁷) обделен определенными положительными личностными качествами, способностями в бытовой и профессиональной деятельности (он сам «не доделан», а потому воплощает идеи «не-делания», «не-функциональности»), его поведение не соответствует нормам логики и здравого смысла, он ни на что не годится («*Дурань ні да рады, ні да звады*»¹⁵⁸; «*Ні за кол (кий) ні за цям*»¹⁵⁹; «*Ні рыба, ні мяса, горай дурня Апанаса*»¹⁶⁰); «*Паšli дурака – ён дураком і вароціцца*»). Но при этом всем дурак, в отличие от умного, очень жизнеспособен: «*Разумны сохне і гніе, а дурны жыве*»¹⁶¹. В поговорках подчеркивается, что дурак много ест, причем пища отличается качеством, а ее прием – специфическими условиями: «*Наеўсё як дурань бобу*»; «*Наеўся як дурань клочча*»; «*Набраўся сінюгі (желудок у жывотнога) як дурань клочча*»; «*Нажраўся як дурак на памінках*». Характерно, что в подобных контекстах образ дурака (= чужого) может включаться в ряд таких

¹⁵⁵ Там же, с. 234, 241.

¹⁵⁶ Там же, с. 234, 252, 242.

¹⁵⁷ Там же, с. 249.

¹⁵⁸ Там же, с. 241.

¹⁵⁹ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 51.

¹⁶⁰ *Выслоўі*, с. 82.

¹⁶¹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 248, 239.

негативно осмысленных образов, как собака, мурза: «*Набраўся як дурань (мурза, сабака) заціркі*»¹⁶².

У дурака отсутствуют умения (связанные в народных представлениях с умом) и навыки в каком-либо деле, чаще производимом руками, он не умеет пользоваться даже примитивными орудиями труда, которые ломает либо использует не по назначению: «*Дурань і мяла зломіць*»; «*Разумны работу зробіць, а дурань і мяла зломіць*»; «*Убіўся як дурань у аглоблі*»¹⁶³; «*Дай дурню брытву, то ён зарэжацца*»¹⁶⁴. Дурак не проявляет никакой инициативы, сообразительности, у него заторможены реакции: «*Дурному і муха ў рот ляціць*»; «*Дурны на саннях дрыжыць, а кажух пад ім ляжыць*»¹⁶⁵; «*Вылупіў вочы як дурны баран*»¹⁶⁶. Поэтому может показаться, что дураком легко манипулировать. Но когда дураку что-либо предписывают, он не в состоянии это исполнить как требуется: «*Паšli дурака па быка, дык ён цёлку прывядзе*». Он все портит («*Што дурны папсуе, то і разумны не паправіць*»¹⁶⁷), часто из-за своей чрезмерной старательности: «*Скажы дурному паклоны біць, то ён і лоб паб'е*»; «*Не хадзіў шалудзька богу маліцца, а як пайшоў, дык і лоб разбіў*»; «*Дурань і молячыся лоб паб'е*»¹⁶⁸. «Полный дурак» только «*знае з носу ў рот*»¹⁶⁹, валять дурака – значит «*вуглы абціраць*», «*вераб'ям фігі даваць (дулі паказваць)*»; «*сабак сцерагчы*»¹⁷⁰. Крайняя пассивность дурака может быть заменена исключительно монотонной, примитивной работой «доўбні» ('глупца'), которая выполняется при помощи соответствующих орудий труда – той же «доўбні» (отсюда, кстати, мотивационная важность не только материала и формы орудий труда, но и их функциональных характеристик, см. выше о модели «глупый человек ← всякое орудие труда, с помощью которого производятся повторяющиеся действия»). Интересно, что результатом долбежки может стать одурение – ср. совр.: «задолбанный»; «*Ні хыця будзіш зыдзяўбуліныя (ачмураная) с такім хызайствым, пірідыхнуць мінутычкі німа*»¹⁷¹.

¹⁶² *Выслоўі*, с. 351, 349.

¹⁶³ Там же, с. 403.

¹⁶⁴ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 19.

¹⁶⁵ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 246, 247.

¹⁶⁶ *Выслоўі*, с. 296.

¹⁶⁷ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 248, 238.

¹⁶⁸ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 19.

¹⁶⁹ *Выслоўі*, с. 57.

¹⁷⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 53.

¹⁷¹ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 152.

Социальное поведение и эмоциональные реакции безумца неадекватны. Ему что-либо мерещится, кажется, он безгранично доверчив ко всему и не способен отличить ложь от истины: «Дурны ўсяму ўверыць»; «Дураку і званочак канёчак»; «Скажы дурню на глум, то ён возьме на ум»; «Разумны падрачувае, а дурны верыць»; «У дурнога то і млін касцёлам»¹⁷²; «Нятай не здаецца дурной авечцы»¹⁷³. Дурак не понимает, не видит, что происходит вокруг, не может адекватно оценить обстановку, не осознает своих поступков («Разумны не скажа, а дурны не ўбачыць», «Дурню ад вачэй мала карысці»; «Дурань не пойме, а разумны нічога не скажа»; «Дурнога б'юць, а ён кажа: “У царкву вядуць”»; «[Дурань] уперад выстрале, а тады цэліцца»¹⁷⁴). Безумца одолевает сильный беспричинный страх, он «кашумі (сарочкі) сваёй байца»¹⁷⁵ (ср.: «байца як шалёны сабака вады»¹⁷⁶). Он хвастается неподобающими вещами, переоценивает свои возможности, а потому попадает в неловкие, комические ситуации: «Хваліўся дурань, што кабыле хвост адарве, а як ірвануў, дык і рот заткнуў»¹⁷⁷; «Доўбня ў лесе, цяля ў месе, дурань нападатове»; «Жарабя яшчэ ў мяту, а дурань доўбню гатуе». Логично, что похвальба, исходящая от дурака, вызывает отрицательное восприятие расхваливаемого им предмета – «Дурань хвалиць – толькі ганіць»¹⁷⁸. Дурные похвальба, шутки «плачу варты». Хотя сам безумец ничего не смыслит даже в элементарных вещах (ср.: «Не дай бог дурному больку: расчэшаць») и не поддается обучению, он пытается чему-то научить других («Сам дурань, а другіх вучыць хоча»)¹⁷⁹.

Специфику дурака определяет гипертрофированное проявление чувств, он постоянно пребывает в радости и веселье («Рад, што дурны»¹⁸⁰), причем рад тому, что скептически воспринимается разумными людьми («Абяцанкі-цацанкі, а дурню радасць»¹⁸¹). В отличие от других членов социума, дурак любит исключительно красное («Разумнаму

¹⁷² Прыказкі і прымаўкі, с. 245, 251, 238.

¹⁷³ З. Санько, Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем, с. 17.

¹⁷⁴ Прыказкі і прымаўкі, с. 238, 251, 246, 246.

¹⁷⁵ З. Санько, Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем, с. 97.

¹⁷⁶ Выслоўі, с. 283.

¹⁷⁷ З. Санько, Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем, с. 45.

¹⁷⁸ Прыказкі і прымаўкі, с. 250, 251, 252.

¹⁷⁹ Там же, с. 248, 244.

¹⁸⁰ Выслоўі, с. 99.

¹⁸¹ З. Санько, Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем, с. 32.

– *разнае, а дурному – краснае*»), что в мифологическом плане объединяет его с чужим, не-человеческим (маркером которого выступает красный цвет¹⁸²) – *«Дурань – варона, любіць чырвона»*¹⁸³; *«Глядзіць як дурань (індык, бык) на чырвоно»*¹⁸⁴.

Эмоциональная неадекватность дурака выражается в необузданном, немотивированном, с точки зрения большинства членов коллектива, хохоте, смехе, что и является одним из идентифицирующих признаков дурака: *«Па латках пазнаць скупого, а па смеху – дурного»*; *«Дурня па смеху пазнаеш»*¹⁸⁵; *«Па чом пазнаць дурного, як ні па смеху ёга»*; *«Дурань і з пальца смяецца»*¹⁸⁶; *«Гігікае як дурань»*; *«Смяецца як прытыраны»*. Соответственно, смех и дурость стоят в одном ряду – *«Я са смеху, дурацы папарвала жываты»*¹⁸⁷.

Антиповедение безумцев проявляется в стремлении к хаосу, разрушению, переворачиванию, путанице, шуму, дракам (*«Хоча п'яны піць як дурны борацца»*; *«Кідаецца з кулакамі як ашалелы»*). Не только смех, но и крик маркирует дураков, сумасшедших: *«крычыць як апантаны (аглашоны, скажэнны)»*; *«палянтую (гарланіць, моцна лаецца) як шалёны»*; *«крычыць як той дурань касу ставаўшы»*. Импульсивность поведения, эмоциональная несдержанность дураков, сумасшедших проявляется в том, что они быстро и бесцельно движутся, бегают, носятся, летают, скачут, крутятся (что отсылает к упомянутому выше акциональному коду): *«Ляціць як скажэнны (дурнаваты)»*¹⁸⁸; *«Скачы, скачы, дурню, бо ты такі ўдаўся»*; *«Чаго ты лётаеш як асташоны (звар'яцелы)?»*; *«Гайсае як шалёны»*. Движения обезумевшего могут сравниваться с движениями бешеной собаки (*«Круціцца як шалёны сабака»*) либо он сам *«ганяецца за сабакамі як ачмурэлы»*¹⁸⁹. Кстати, как угорелые носятся, согласно белорусским фраземам, *«дурныя»*, *«апантанья»*, *«ачмурэлыя»*, *«шалёныя»*, те кто *«блэкату аб'еліся»*, *«абсмаленыя мышы»*, *«ужаленыя»*, *«укушаныя мутай»*, *«апараныя»*, *«варам аблітыя»*¹⁹⁰. Для мифологического досье безумца существен-

¹⁸² Подробнне об этом см. І. Швед, *Міфалогія колеру ў беларускай традыцыйнай духоўнай культуры*, Брэст 2011, с. 144–147.

¹⁸³ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 245.

¹⁸⁴ *Выслоўі*, с. 305.

¹⁸⁵ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 41.

¹⁸⁶ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 244, 246.

¹⁸⁷ *Выслоўі*, с. 304, 386, 133.

¹⁸⁸ Там же, с. 413, 353, 338, 360, 339, 344.

¹⁸⁹ Там же, с. 417, 301, 337, 303.

¹⁹⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 71.

ным оказывается то, что его «*гоніць чортава хвіля*», и это вновь отсылает к «демонологической» метафоре. Симптоматично также, что дурак носится со своими «излюбленными» предметами-атрибутами, которые, наделены в традиционной культуре высоким семиотическим статусом: ступой, мялом, дверями¹⁹¹, и думается, что здесь возможна корреляция с рассмотренной выше моделью «глупый человек ← емкость, орудие труда, часть дома». Без сомнения, покоя ногам безумца не дает бестолковая голова – «*За дурной галавою і нагам няма спакою*», «*Скупы двойчы плоціць, а дурны двойчы ходзіць*»¹⁹². Дурак не может находиться в уравновешенном состоянии, контролировать себя даже в своем излюбленном (что характерно, связанном с культом предков) локусе – печи, ср.: «*Памыліўся (жانیўся) як дурань з печы зваліўся*»¹⁹³.

Наряду с гиперактивностью, как уже отмечалось, безумцу могут приписываться недвижимость и связанное с ней отсутствие реакции. Это, видимо, коррелирует с общественной пассивностью дурака, которая, в свою очередь, есть ничем иным как проявлением неадекватности его социального поведения; см.: «*Стаіць як дурань [на вяселлі]*», «*Дурны як стойп*»¹⁹⁴. Ср. в этой связи высказывания о думающем, соображающем человеке как «шевелищем мозгами»: «*Галавою варушыць (круціць)*», «*Глуздом рухаць (варушыць, круціць)*», «*Мазгамі круціць*»¹⁹⁵.

Хотя «*кажды дурань сваё правіць*» и «*кожны па-свойму дурнее*», всех дураков и сумасшедших объединяет то, что они не живут по единым для общества законам: «*Дурны законаў не чытае, ды свае мае*», «*Для вар'ята няма свята*»¹⁹⁶. Дурак, как мы отмечали выше, имеет свою дорогу, она и «*водзіць дурнога*» (здесь интересно, что даже в движении дурак в определенном смысле пассивен, субъектом выступает дорога). Его отличает и особое видение сути вещей, т. е. дурак проявляет свой особый ум, поэтому «*Дурань вузел завяжа, разумны не развяжа*». Соответственно, безумцы находятся на особых правах, наделены определенной прерогативой, «*дурню і скула не сядзіць*»¹⁹⁷.

¹⁹¹ Вислойі, с. 65, 356, 416.

¹⁹² З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 8.

¹⁹³ Вислойі, с. 318, 361.

¹⁹⁴ Там же, с. 389, 316.

¹⁹⁵ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 105.

¹⁹⁶ Там же, с. 94, 16.

¹⁹⁷ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 242, 238, 248.

Взаимоотношения дурака с другими членами общества

Безумцев везде и во все времена довольно много и остальным членам общества с этим приходится мириться: *«Дурняў усюды не бракуе»; «На наш век дуракоў хваціць»*. И поскольку дураки присутствуют повсеместно, с ними вынуждены вступать в отношения и такие же как они, и люди разумные. Хотя дурак водится с дураком (*«Дурак дурака бачыць здаляка»*¹⁹⁸; *«Разумнейшых паслалі па разумнейшых, а вас, дурнейшых, па мяне дурнога»*¹⁹⁹), но они, согласно паремиям, ни на что не годятся: *«Пашил дурнога, а за ім другога»*, *«Пашил асла, а за ім пасла»*, *«Пайшоў Апанас па квас, дык ні Апанаса ні кваса»*, *«Пашил Ціта па сіта – няма сіта, няма Ціта»*, *«Паслалі сабаку па табаку – ані табакі, ані сабакі»*²⁰⁰.

Судя по всему, на фоне дураков только и возможно выделить умных (и наоборот): *«Каб усе былі разумныя, то хто ж быў бы дурны?»* Умные противопоставлены дуракам на основе высокой степени способности к интеллектуальной деятельности, к транслированию знаний, умений и др.: *«Разумны навучыць, а дурань намучыць»*; *«З разумным пагавары – ума набярэшся, а з дурнем – і последні пацяраеш»*; *«Разумны вініць заўсёды сябе, а дурны свайго таварыша»*. Поэтому естественно, что *«за аднаго разумнага даюць дзесяць дурных»* и что отношения между умными и безумцами складываются очень сложно – *«З дурным – не з сваім братам»*, *«Пасярод дурных і разумнаму дрэнна»*²⁰¹.

Хотя дурак излишне болтлив (*«Не дурань, хто маўчыць»*; *«У вумнага на вуму, а ў дурнога на языку»*), с ним невозможна нормальная коммуникация (*«Дурны ляпне, то ў няма чаго слухацца»*²⁰²; *«Не, з глумачыняю трудна дыгыварівыцца»*²⁰³), он не способен воспринять традиционные методы, модели познания: *«Дурню гавары, а ён глядзіць дагары»*; *«Дурню кажы – усё роўна што гарох на сцену кідай»*; *«Дурному хоць кол на галаве чашы, то ён усё сваё»*²⁰⁴. Отсюда стремление избегать общения с дураками: *«З глупысьніцыю луччы язык ні мыра-*

¹⁹⁸ Там же, с. 250, 240, 253.

¹⁹⁹ *Выслоўі*, с. 100.

²⁰⁰ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 17.

²⁰¹ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 250, 238, 239, 237, 253, 236.

²⁰² Там же, с. 234, 239, 245.

²⁰³ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 91.

²⁰⁴ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 249, 241, 245.

ца»; «Абея яны глумачычкі, ні нада з Гыварушкымі зьвязвывыцца» («глумачына, глумачка, глупасніца» – ‘недалёкий, умственно ограниченный человек’²⁰⁵; слово «глумачычкі» употреблено с уменьшительно-уничижительной окраской).

Дурак, отличающийся неадекватностью социального поведения и эмоциональных реакций, создает большие проблемы для остальных членов общества, является препятствием к достижению ими определенных целей и даже социально опасен – «Дурны сабака і на гаспадара брэша», «Дурная помач горай за немач», «Не карай, божа, нічым, адно сябрам дурным (ліхім)», «Лепей з разумным згубіць, чым з дурнем знайсці», «З дурным сварыцца, як з вадю біцца»²⁰⁶, «З дурнем варыць – або не ўварыцца, або пераварыцца», «З дурнем і найшоўшы не падзеліш», «Не дай, божа, з дурнем і крадзеным дзяліцца». Дурак выступает объектом воздействия, когда от него пытаются избавиться («Дурня і з касцёла выкідаюць»), совладать с ним при помощи физической расправы – см. характерные паремии: «На дурака не жалей кулака», «Дурнога і ў цэркві (касцелі) б’юць»²⁰⁷.

В ряде паремий закреплён народный опыт, признающий малоэффективность физической расправы над дураками, см. выражение, манифестирующее крайне негативные коннотации: «На свеце многа дурняў: да Масквы не перавешаеш». И поскольку с безумцами трудно совладать, с ними лучше не конфликтовать, им легче уступить: «Не зачапайся з дурнем»; «Разумны дурному ўступіць павінен»; «Дурному трэба выбачыць». Более того – «Уступі дурню – спасенне заслужыш»; «Хто дасць дурню спусту, таму сем дней адпусту». Не только рядовой член социума, но даже Бог и черт не связываются с дураками: «Дурню і бог дарогу ўступае», «Дураку ў чорт з дарогі ўступае». Отношение к дуракам может зависеть от степени безумия последних: если «вялікага дурня б’юць», то «рит малому дурню саступаюць»²⁰⁸.

Внимание нередко акцентируется и на том, что «малыя дурні», как и дураки вообще, – не носители зла, не агрессивны, в отличие от злодеев: «Няхай сабе ў дурань, абы не злодзей»; «Дурань (кеп) – не вужака, не ўкусіць». Они – недотепы, добродушные простаки, нестяжательны, рассеяны («Той дурны, хто вала згубіў, а не той, чые валэ

²⁰⁵ Г. Ф. Юрчанка, *Сучасная народная лексіка...*, с. 91.

²⁰⁶ З. Санько, *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*, с. 16, 44, 39.

²⁰⁷ *Прыказкі і прымаўкі*, с. 251, 249, 245, 242.

²⁰⁸ Там же, с. 240, 253, 234.

стаяць у хляве») и наивны вплоть до проявления признаков идиотизма («Дурны не ўхопіцца за грошы, да за агонь»), и этим пользуются корыстолюбивые умники: «Дурань купіць – мудры вып’е»; «Дурны раскідае, а разумны збірае», «Хітры бярэ, а дурны дае»²⁰⁹. Образ дурака в таких паремиях близок к дураку сказочному, а здравый смысл здесь, как и в ряде произведений сказочной и несказочной прозы, сродни наживе и подлости.

Счастье дурака

Деятельность разума, интеллектуальная самостоятельность, способность воспринимать чужие мысли и излагать свои, житейская предприимчивость дурака, таким образом, сведены до минимума, а пассивность, беззаботность, бесхитростность, простодушие, незащищенность от посягательств умников-хитрецов настолько велики, что ему, чтобы выжить, необходимо покровительство высшей силы. (Представления о связи безумия с сакральным хорошо известны). И дурак, которого любит Бог и который связан с потусторонним миром (источником знаний и достатка), без стараний со своей стороны, вопреки несовершенному человеческому рассудку обретает счастье, удачу, истину – «За дурнямі бог», «Часам дурань разумней за ўсіх». Счастье не просто приходит к дураку извне, со стороны, а «за дурным шчасце бяжыць»²¹⁰. Особенно выразительно покровительство высших сил, компенсация отсутствия разума и богатства случаем проявляются в отношении сказочного «дурака» – стоящего вне принятых обществом норм и законов, правдивого, честного, доброго, бескорыстного, смелого (что связано с его безрассудством). Но если сказки о дураке заканчиваются констатацией его жизненного успеха, то в паремиях утверждается, что дурак не в состоянии воспользоваться везением-счастьем, полученными извне благами: «Даў бог дурню хлеба, ды той не ўмеў спажыць як трэба»; «Дурань прамаргаў сваё шчасце»; «Дурны добрага не любіць»²¹¹.

²⁰⁹ Там же, с. 240, 247, 245, 239.

²¹⁰ Там же, с. 251, 252.

²¹¹ Там же, с. 252.

Некоторые выводы

Как показало проведенное исследование, согласно белорусскому паремиологическому материалу, людей интеллектуально ограниченных, с психическими, душевными расстройствами, неспособных здраво рассуждать и принимать логически верные решения, разрушающих своим поведением существующие стереотипы из-за дурости, патологического безумия или крайне возбужденного состояния, довольно много везде и всегда. Дураки отмечены своей особостью, но: дураком может стать каждый. Появление и существование таких людей воспринимаются как вполне естественный процесс либо трактуются как результат нарушения гармонии под воздействием внешних, в том числе потусторонних, сил. Соответственно, обозначения нарушений умственной и психической деятельности индивида апеллируют к мифопоэтическим контекстам (безумие вследствие соприкосновения со сферой чужого, деструктивного воздействия реалий не-человеческой природы – хтонических животных, душ умерших, нечистой силы, природно-космических объектов и явлений; др.).

Как бы ни был ограничен использованный здесь белорусский материал, он, как представляется, дает возможность заключить, что мотивационной доминантой поля «безумие», соотнесенного со вторым членом обобщенной дихотомии «свой/чужой», выступают идеи антинормы и беспорядка, которые моделируются в терминах взаимосвязанных кодов (физиолого-соматического, речевого, акционального, гастрономического, предметного, растительного, зоологического, метео-астрономического, демонологического) и конкретизируются в целом наборе мотивов. Среди этих мотивов, апеллирующих к комплексу «чужого» (асоциальности, иномирности, первоначальности, природности, в том числе «деревянности» и «животности»), особо выделяются испорченность, деструктуризация, хаос, ассиметричность (кривизна), верчение, недовольства, пустота. При этом идентификация безумца может происходить в соответствии с разнообразными критериями, среди которых особое место занимают члены оппозиции «недовольства (недовольствость, пустота, пассивность) / избыток (волос, роста, размера головы, лба, двигательной и эмоциональной активности)».

Безумие трактуется далеко не однозначно (от чудаковатости до клинического заболевания) и характеризуется оценочной амбивалентностью. Интеллектуальная неполноценность может считаться в определенном смысле нормой для человека в начале и конце его жизненного пути. Повзрослевший, но оставшийся интеллектуально и психи-

чески ущербным человек, противопоставляется всем остальным как непредсказуемый, т. е. способный стать угрозой окружающему обществу (в пределе – дикий, демониченский), и соответственно оценивается резко неодобрительно. Десоциализированность, нарушение психофизиологической целостности в один ряд ставят людей ограниченных в планах: 1) умственном, 2) физическом (телесная деформированность) и связанном с ним слухового и зрительного восприятия, 3) владения теми либо иными навыками. Это еще раз подчеркивает универсализм традиционного сближения интеллектуальных, моральных и физических недостатков человека (в славянском континууме и простая необразованность, и чудаковатость, и клиническое безумие характеризуются в терминах физических аномалий). Что касается уменьшительно-уничижительных и даже ласкательных наименований типа «*дурненькі*», «*дурлёнычка*», «*глумачычка*», то они, естественно, не обладают выразительными отрицательными характеристиками. Резкой негативной оценки не имеет «дурак» в частушках типа «*Ой чого ж ты задаешся, // Як у моры красны рак, // Разві я цэбэ не знаю, // Болоховны ты дурак*» [запись автора; Рубель Столинского р-на].

Покровителем дураков выступает сам Бог, но если отвлечься от семантики конкретных образов, контекстов и жанровой природы соответствующих текстов, то можно заключить, что этот положительный покровитель «не вытягивает» безумца с демонологического уровня и не выводит его из класса опасных персонажей.

STRESZCZENIE

UWAGI NA TEMAT OBRAZU GŁUPCA W BIAŁORUSKICH PRZYSŁOWIACH

W artykule opisano obraz głupca w białoruskim folklorze, zwłaszcza w przysłowia i porzekadłach. Szczególną uwagę skierowano na sposób konstruowania intelektualnej niesprawności człowieka przy pomocy kodu fizyczno-somatycznego, mowy, kodu przedmiotowego, meteorologicznego, astronomicznego, kodu roślinnego, zoologicznego, działania i relacji z pozostałymi członkami społeczeństwa.

Słowa kluczowe: głupiec, folklor, paremia, kod, metafora.

S U M M A R Y

OBSERVATIONS ON THE IMAGE OF THE FOOL IN THE PROVERBS FOUND
IN BELARUSIAN TRADITION

In the article the image of the fool in the Belarusian folklore, particularly in proverbs and sayings is characterized. Particular attention is paid to the details of modeling the idea of the intellectual inferiority of a person by means of physiological and physical code (updated images associated with physiological and anatomical defects) and correlated with him speech code, meteorological, astronomical, vegetation, zoological and action codes. We consider the medium from the perspective of genre that depicts conditions and causes of the emergence of madmen, their appearance, personality, reactions, behavior, and the relationships with other members of society.

Key words: mad, folklore, paremia, code, metaphor.